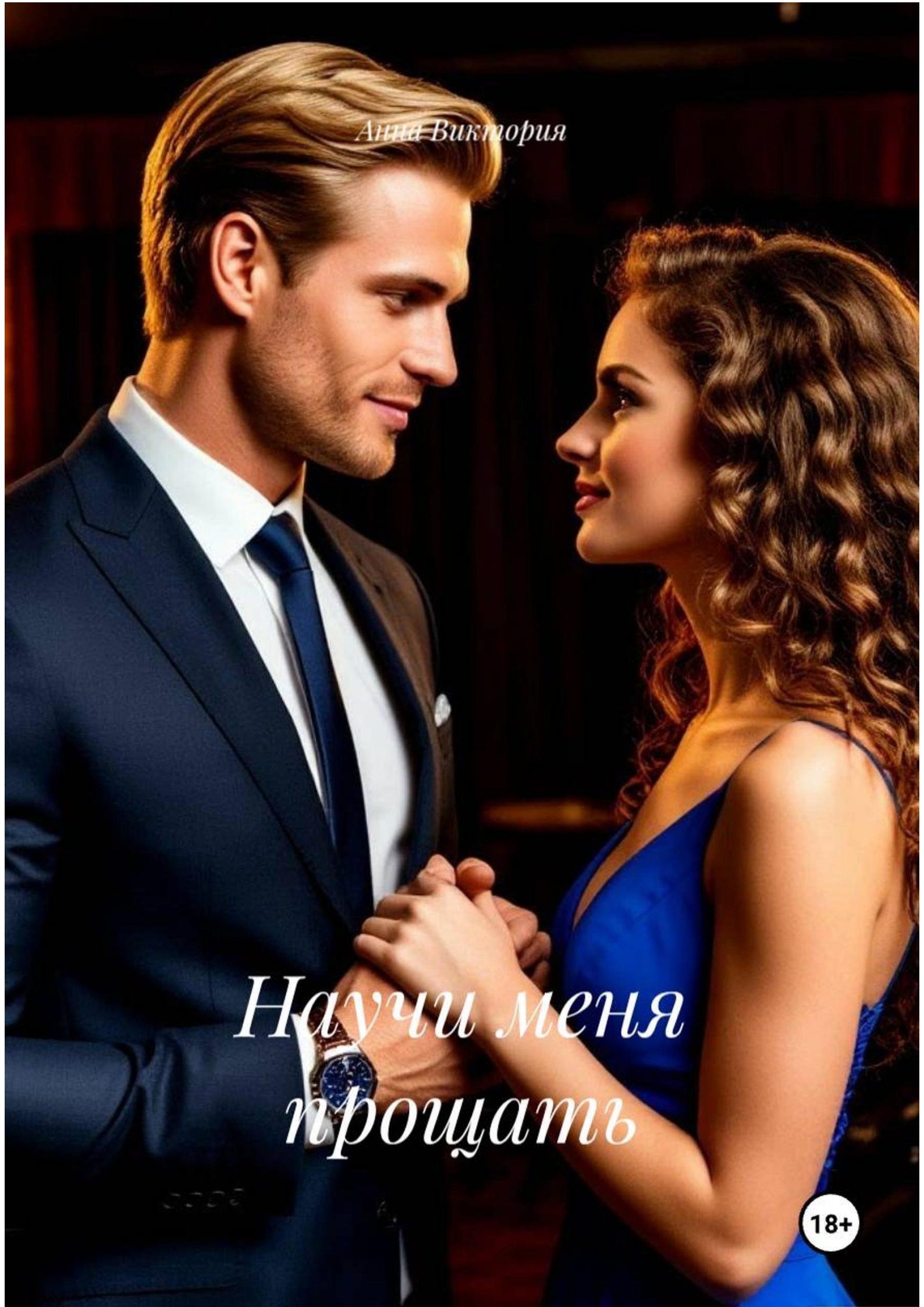

A romantic couple in formal attire. The man, on the left, has light brown hair and a light beard, wearing a dark blue suit, white shirt, and blue tie. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a blue dress. They are looking at each other and holding hands. The background is dark and out of focus.

Анна Виктория

*Научи меня
прощать*

18+

Анна Виктория

Научи меня прощать

«Автор»

2026

Виктория А.

Научи меня прощать / А. Виктория — «Автор», 2026

Артём — успешный бизнесмен. Он привык всё контролировать: контракты, женщин, эмоции. Его сердце — бетонная плита. Его душа — закрытая комната. Никто не знает, что случилось с ним в тринадцать лет. Никто не догадывается, почему он не умеет любить. Но однажды он встречается Машу — певицу из маленького джаз-клуба. У неё тёплый голос, нежные пальцы и странная привычка задавать вопросы, на которые он не хочет отвечать. Она не похожа ни на одну женщину, которую он знал. Она не хочет его денег, его связей, его статуса. Она хочет его. Настоящего. Того, кого он прячет уже более двадцати лет. Маша становится ключом к его прошлому — и мостом к будущему. Но прошлое не сдаётся без боя. И прежде чем научиться любить, ему придётся научиться прощать. История о предательстве и искуплении, о боли и исцелении, о любви, которая приходит, когда её уже не ждёшь.

© Виктория А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Научи меня прощать

Глава 1

Артём поправил запонку и посмотрел на часы. У него было ещё четыре минуты до начала презентации, и он потратил их на то, чтобы оценить масштаб скуки в глазах девушки напротив.

— Мне кажется, ты меня не слушаешь, — сказала она, отодвигая чашку с нетронутым кофе.

— Слушаю, — ответил он ровно. — Ты рассказывала про свою подругу и как ей муж подарил на годовщину кольцо с бриллиантом.

— Я рассказывала это пять минут назад. Сейчас я спросила, может, слетаем на выходные в Милан?

Артём позволил себе короткую улыбку — ту самую, которую его партнёры называли «фирменной улыбкой человека, который уже всё решил». Он действительно всё решил. Ещё вчера.

— Не поедем. У меня запуск нового контракта. Эти выходные я в офисе.

— У тебя каждые выходные в офисе. — В её голосе звякнула сталь. — Зачем ты вообще предложил встречаться, Артём? Чтобы я ждала тебя в пустой квартире?

Он сделал глоток эспresso. Крепкий, горячий — единственное, что держало его после четырёх часов сна. Светлые волосы зачёсаны назад, дорогой костюм сидит безупречно, на запястье — швейцарские часы. Ему тридцать семь, но выглядит он моложе — подтянутый, с резкими чертами лица и холодным, оценивающим взглядом. Женщины обычно находили это привлекательным. До поры.

— Я не просил тебя ждать.

Она поджала губы. Красивые, аккуратно обведённые карандашом. Он сам выбирал ей эту помаду. Dior, оттенок «нюд». Дорого, стильно, без претензий. Как он любил.

— Знаешь, что самое обидное? — тихо сказала она. — Ты ведь не злой. Ты... никакой. Ты можешь приехать ночью, привезти мне дорожный букет, а утром исчезнуть на три дня, даже не позвонив. Я не понимаю, нужна я тебе или нет.

— Нужна, — сказал он. — Но у меня бизнес. Ты знала, на что шла.

Она встала. Достала из сумочки ключи от его квартиры и положила на стол.

— Вот. Ты хороший, Артём. Но с тобой невозможно.

Он не стал её останавливать. Она ушла, цокая каблуками по плитке кофейни. Он допил эспresso и подумал, что надо было всё-таки взять двойной.

В офис он вошёл ровно через шесть минут — на две минуты позже, чем планировал. Охрана кивнула, секретарша протянула папку с документами на подпись. Он шёл по коридору, поправляя галстук, и в голове крутилась одна мысль: «Хорошо, что она ушла сама. Меньше проблем».

Запуск нового контракта. Азиатские партнёры, жёсткие сроки, миллионные риски. Вот что имело значение. Вот где он был живым.

Переговорная встретила его кондиционированной прохладой и запахом дорогой кожи. Партнёры уже сидели за столом — трое вьетнамцев в идеально отглаженных рубашках и один переводчик. Артём сел во главе стола и открыл презентацию.

— Господа, начнём. Проект «Берег»...

Телефон завибрировал. Он бросил взгляд на экран. «Мама».

Сердце пропустило удар — не от волнения, а от неожиданности. Она звонила редко, а он звонил ещё реже. Раз в месяц, когда переводил деньги на её счёт.

Он нажал «отбой». Вернулся к презентации.

Телефон завибрировал снова. «Мама».

— Прошу прощения, — сказал он партнёрам и поднял трубку. Голос его был холоден, как вода из кулера.

— Да?

— Артём... — Голос матери дрогнул. — Сынок, мне нужно с тобой поговорить.

— Я на переговорах. Перезвоню.

— Это важно. — Она задышала часто, как после долгой ходьбы. — Врачи... Мне поставили диагноз. Мне нужно, чтобы ты приехал.

Артём посмотрел на партнёров. Они ждали, вежливо опустив глаза. Он перевёл взгляд на график в презентации. Проект «Берег». Запуск через две недели.

— Что за диагноз? — спросил он без эмоций.

— Рак, — сказала она. — Четвёртая стадия.

В переговорной было тихо. Кондиционер гудел ровно и спокойно. За окном светило солнце.

— Я приеду в пятницу, — сказал Артём. — Пока найду тебе врача. Клинику. Жди.

Он положил трубку, не дожидаясь ответа. Вернулся к презентации. Голос его не дрогнул ни на секунду.

Но где-то глубоко внутри, под бетонной плитой, в которую он превратил своё сердце, шевельнулось что-то. Что-то, чему он не мог дать названия.

Переговоры закончились в половине шестого. Артём проводил партнёров до лифта, обменялся рукопожатиями и стандартными фразами про «перспективное сотрудничество», а когда двери закрылись, позволил себе выдохнуть.

Контракт подписан. Проект «Берег» запущен. Ещё одна победа — сухая, чистая, без эмоций. Такие он любил.

В кабинете было тихо. За окном плавился июньский вечер, стекло нагрелось так, что к нему было больно прикасаться. Артём ослабил галстук и сел в кресло. Телефон лежал на столе экраном вверх. Он смотрел на него и не двигался.

«Рак. Четвёртая стадия».

Странно. Он думал, что почувствует что-то другое. Злость, может быть. Или горе. Но внутри было ровно — как будто ему сообщили о проблеме в бухгалтерском отчёте. Есть вводные, есть задача, есть решение. Он уже отправил запрос своему ассистенту — найти лучшего онколога в её городе. Завтра утром на столе будет список клиник. В пятницу он выедет.

Артём взял телефон. Набрал сестру. Илона жила в Италии — вышла замуж, родила троих детей, обжилась. Созванивались они редко. Гудок. Второй. Третий. На четвёртом — её голос, мягкий, обволакивающий, как итальянский ветер.

— Алло? Артём?

— Илона.

Он услышал, как на заднем плане смеются дети. Много детей. Наверное, у них гости. Или она опять устроила детский праздник — она обожала эти шумные сборища, где все кричат, поют и едят пасту из огромных мисок.

— Подожди, я выйду на веранду, — сказала она. Её голос стал тише. — Всё, слушаю. Что-то случилось?

— Мать больна. Рак. Четвёртая стадия.

Пауза. Он слышал, как она дышит.

— Господи, — прошептала Илона. — Когда?

— Вчера поставили. Она мне позвонила час назад. Я еду в пятницу, организую лечение. Тебе тоже надо бы приехать.

Снова пауза. Длиннее.

— Артём... — Её голос стал виноватым, как будто она уже тысячу раз репетировала этот разговор. — Ты же знаешь, я не могу. У меня дети. У Марко работа, он не сможет один. И билеты... это сейчас так дорого.

— Я оплачу билеты.

— Дело не только в деньгах. — Она вздохнула. — Просто... я не могу. Я не готова. Понимаешь?

Артём молчал.

— Я пришлю ей цветы, — сказала Илона. — И позвоню. Обязательно позвоню. Может быть, после Рождества мы выберемся...

— Рождество в декабре, — напомнил он ровно. — Она может не дожить.

— Не говори так.

— Я говорю как есть.

На том конце закричал ребёнок — звонко, радостно. Илона быстро сказала: «Мне пора, прости, я тебя люблю, береги себя» — и повесила трубку.

Артём положил телефон на стол. Посмотрел на график контракта. Потом — на стену. Там висела картина — дорогая, абстракция, купленная в Доме художника. Она хорошо вписывалась в интерьер.

Он встал, взял ключи от машины и вышел из офиса.

Квартира встретила его тишиной. Дорогая, просторная, с панорамными окнами и дизайнерским ремонтом — но в ней не жили. В ней ночевали. Иногда — завтракали. Чаще всего — просто оставляли вещи.

Он не стал включать верхний свет. Только торшер у окна. Достал из бара бутылку виски, плеснул в стакан. Сел в кресло, которое стояло лицом к окну, и устался на огни мегаполиса.

Первый глоток обжёг горло. Второй пошёл мягче.

Она умирает.

Женщина, которая когда-то сказала ему: «Рисование — это не профессия. Займись делом». Которая выбросила его альбом в мусорное ведро, пока он был в школе. Которая не пришла на выпускной, потому что у неё был корпоратив. Которая бросила отца, а потом даже на похороны опоздала — у неё была важная встреча.

Он сделал третий глоток. Четвёртый.

Она умирает. А он ничего не чувствует.

И это было самое страшное. Не болезнь. Не смерть. А то, что внутри — тишина. Как в этой квартире. Как в офисе после переговоров. Как в телефоне, где только что оборвался голос сестры.

Он налил ещё. Рука держала стакан твёрдо. Он всегда себя контролировал. Даже сейчас — пил ровно столько, чтобы притупить, но не столько, чтобы потерять лицо. Он никогда не терял лица.

За окном мигали огни. Город жил своей жизнью — шумной, равнодушной, бесконечной. Артём смотрел на него и думал о пятнице. О старом городе. О доме, куда он не возвращался пять лет.

Он допил. Закрыв глаза. Перед ним встало лицо матери — не сегодняшнее, а то, из детства. Молодое, красивое. Она красила губы перед зеркалом и говорила, не оборачиваясь: «Тёма, не мешай. У меня важная встреча».

Он открыл глаза. Налил ещё. Выпил.

В пятницу он поедет. Наладит лечение. Всё организует. Как всегда. Как машина.

Но что-то внутри уже треснуло. Тонко, едва заметно. Как лёд в начале апреля — ещё держит, но шагнуть уже страшно.

Он поставил пустой стакан на столик. Встал. Пошёл в спальню, не зажигая света. Лёг на спину и уставился в потолок.

Спал он в эту ночь плохо. Но наутро был в офисе ровно в восемь. Свежая рубашка, выглаженный пиджак, никаких следов вчерашнего. Никто бы не догадался.

Глава 2

Старый город встретил его запахом пыли и лип. В детстве здесь всё казалось огромным: дворы-колодцы, серые громады пятиэтажек, тополя, упирающиеся в самое небо. Теперь, въезжая на арендованной Audi по улицам, которые он помнил наизусть, Артём видел только облупившуюся краску на фасадах и покосившиеся скамейки у подъездов. Город сжался. Постарел. Как и та, к кому он ехал.

Он припарковался у знакомого дома. Поднял голову — её окна на четвёртом этаже, всё те же бежевые занавески. Он не был здесь пять лет. Последний раз приезжал на какой-то праздник — кажется, её день рождения. Тогда они поссорились, он уехал раньше и не звонил месяц. Потом всё вернулось в привычную колею: деньги на счёт, короткие звонки раз в месяц.

«Как здоровье?— Нормально.— Деньги получила?— Получила, спасибо.— Пока.— Пока».

Он достал из багажника пакет с фруктами и дорогим вином — формальный набор, который покупают, когда не знают, что везти. Поднялся на лифте. Позвонил.

Дверь открылась не сразу. Сначала он услышал шаркающие шаги, потом звякнула цепочка. Дверь отворилась, и Артём увидел мать.

Она постарела на десять лет. Вера всегда хорошо выглядела — ухоженная, подтянутая, с аккуратной стрижкой и макияжем. Теперь перед ним стояла пожилая женщина с серым лицом и запавшими глазами. На голове — платок, скрывающий поредевшие волосы. Домашний халат висел на исхудавших плечах. От неё пахло лекарствами и чем-то сладковатым — так пахнет в палатах тяжёлых больных.

— Артём, — выдохнула она и улыбнулась — натянуто, слишком широко, как будто эта улыбка стоила ей огромных усилий.

— Сынок. Ты приехал. Она потянулась обнять его.

Он позволил — на долю секунды, чуть наклонившись, чтобы она дотянулась. Отступил.

— Проходи, проходи. — Она засуетилась, пропуская его в прихожую.

— Я так ждала. Ты голодный? Я приготовила обед. Правда, сама почти не ем сейчас, аппетита нет совсем, но для тебя...

— Я не голоден, — сказал он, проходя в гостиную.

Здесь ничего не изменилось. Та же стенка с сервантом, тот же диван, тот же ковёр на полу. Чисто, ухоженно — она всегда была аккуратисткой. Но запах — запах лекарств пропитал всё: шторы, мебель, воздух. Он стоял в комнате, как невидимый гость, и напоминал, зачем Артём здесь. Он поставил пакет на стол.

— Вот. Фрукты. Вино. Хотя тебе, наверное, нельзя.

— Можно, можно, — замахала она руками. — Врачи говорят — немножко можно. Ты такой заботливый. Садись, я чай поставлю.

Она ушла на кухню, а Артём остался в гостиной. Медленно обвёл комнату взглядом. На серванте стояли фотографии. Он подошёл ближе. Илона. В рамке с ракушками — на море, загорелая, смеётся. В серебряной рамке — выпускной, длинное белое платье, цветы. В деревянной — Илона с мужем и детьми. Трое, все светловолосые, как Марко. Илона-школьница, с бантами. Артём переводил взгляд с фотографии на фотографию. Ни одной своей. Он знал, что не увидит. Он был готов.

— Я сейчас, сейчас! — донеслось из кухни. — У меня тут пирожные есть, твои любимые, эклеры. Помнишь, ты в детстве их обожал?

Он помнил. Он всё помнил. Пустую квартиру. Отца на кухне, молча смотрящего в одну точку. Альбом для рисования в мусорном ведре — мать выбросила, пока он был в школе, и

даже не потрудились прикрыть чем-то сверху, так и лежал, раскрытый, испачканный в очистках. Он помнил каждую деталь. Просто за двадцать лет научился не реагировать.

Вера вернулась с подносом. Чай в заварнике, две чашки, вазочка с пирожными — эклеры, покрытые шоколадной глазурью, аккуратные, как из дорогой кондитерской.

— Садись, сынок. Рассказывай, как ты. Как работа?

— Нормально. — Он сел в кресло напротив. Чашку взял, но пить не стал. Посмотрел на эклеры.

— Это Илона любила эклеры. Не я.

Вера замерла с чайником в руке.

— Что?

— Эклеры, — повторил он ровно. — Их Илона любила. А я — корзиночки. С белковым кремом. Ты путаешь.

Повисла пауза. Вера медленно поставила чайник на поднос. Попыталась улыбнуться — вышло криво.

— Ой, ну надо же... Память уже не та. Возраст, наверное. А я так хотела тебя порадовать...

— Ничего, — сказал Артём. — Я не голоден.

Он не злился. Он просто констатировал факт. Но внутри снова что то шевельнулось. Он знал это чувство. Оно приходило каждый раз, когда мать делала вид, что помнит его. И каждый раз оказывалось, что помнит она не его, а какую-то выдуманную версию — удобную, не мешающую её картине мира.

— Ты у меня такой... такой... — она не договорила, прижала руку к груди.

— Я так благодарна, что ты приехал. Ты у меня сильный. Я всегда знала, что ты вырастешь и всего добьёшься. В меня характер.

Артём посмотрел на неё. Характер. Да, наверное. Только она свой характер тратила на мужчин и карьеру, а он — на то, чтобы не стать таким, как отец. Чтобы не пить. Чтобы не сломаться. Чтобы контролировать всё — бизнес, женщин, себя.

— А вы с Илоной созванивались? — спросила Вера и посмотрела на него с надеждой.

— Созванивались, — сухо сказал Артём. — Не приедет. Дети, каникулы, Марко в командировке. Ты же знаешь.

— Ааа... — протянула Вера. — Понимаю. Она кивнула.

Губы у неё задрожали — или ему показалось? Она быстро взяла чашку, сделала глоток. В глубине души она знала, что дочь не приедет. Знала с самого начала. Чуда не случилось. Илона осталась в своей Италии, а Вера — в своей болезни, с сыном, которого она никогда не понимала.

— Ну что ж... У каждого своя жизнь. А ты приехал. Ты всегда был ответственным. Ты у меня с детства такой самостоятельный. Даже когда мы с отцом разошлись, ты не плакал, не просился. Такой серьёзный мальчик...

— Я плакал, — сказал Артём ровно. — Ты просто не видела.

Повисла пауза. Вера опустила глаза в чашку. Замолчала.

— Ладно, — сказал он, поднимаясь.

— Я сниму гостиницу. Завтра приеду, отвезу тебя в клинику. Собери документы — полис, выписки, всё, что есть.

— Гостиницу? — Она вскинула голову.

— Зачем гостиницу? У меня места много. Оставайся здесь. Я тебе постелю в твоей комнате.

Он замер. В твоей комнате.

— Там теперь кабинет, — сказал он.

— Ничего, я диван разложу. Или ты на диване, я в спальне. Оставайся, а? — Она смотрела на него, и в глазах было что-то, чего он раньше не видел. Настоящее. Страх.

— Мне страшно одной, Артём. Ночью особенно. Я лежу и думаю... всякое. А так ты рядом.

Он стоял у двери и смотрел на неё. «Ты рядом», — сказала она. Женщина, которая оставила его с отцом. Которая забрала обратно только когда не осталось выбора. Которая ни разу не спросила, как он пережил те годы. Которая поставила на сервант фотографии Илоны и ни одной — его.

— Хорошо, — сказал он. — Останусь.

Она просияла. Вскочила, засуетилась, пошла за постельным бельём. А Артём остался стоять у двери, глядя на чай, который так и не выпил, и на пирожные, которые он помнил, но которые любил не он, и не знал, что чувствует. Наверное, ничего. Наверное.

Глава 3

Онкоцентр оказался именно таким, каким Артём его представлял: современное стеклянное здание на окраине города, окружённое соснами. Внутри пахло не советской больницей — хлоркой и варёной капустой, — а кофе и антисептиком. На ресепшене сидела администратор с идеальным маникюром.

Артём отметил это машинально — он всегда замечал детали, которые говорили о статусе места. Здесь было дорого. Здесь было хорошо. Он заплатил за палату на двоих, отдельный пост медсестры и полный курс подготовки к операции.

— У тебя такие связи, — говорила Вера, пока они шли по коридору. — Сын у меня — бизнесмен, всё организовал, лучшая клиника.

Он не отвечал. Шёл на полшага впереди, нёс её сумку с вещами — халат, тапочки, книгу, которую она взяла «от скуки». Какая-то женская проза в мягкой обложке. На обложке — закат и силуэт женщины, смотрящей в море.

Палата была на третьем этаже, с большим окном и двумя кроватями. Одна пустовала. На второй, у окна, сидела женщина лет шестидесяти — полная, с простым русским лицом и седыми волосами, собранными в пучок. Она вязала что-то белое, детское, и мелькание спиц было единственным движением в тихой комнате.

— Ой, соседка! — Женщина отложила вязание и приподнялась на подушке. — А я всё гадаю, кого ко мне поделят. Надя, — представилась она, кивая Артёму.

— Артём, — сухо ответил он, ставя сумку на кровать Веры. — Сын.

— Вижу, что сын, — улыбнулась Надя. — Похожи. Глаза одинаковые.

Артём промолчал. Ему не хотелось это слышать.

Он помог матери разложить вещи — быстро, по-деловому, как будто сдавал номер в отеле. Халат на спинку стула. Тапочки под кровать. Книгу на тумбочку.

Вера суежилась рядом, пыталась что-то переставить, доставала из сумки какие-то ненужные мелочи — флакончик духов, рамку с фотографией Илоны с детьми, конфеты для медсестёр.

— Ну вот, — сказал он, закончив. — Врач придёт через час. Операция послезавтра. Я буду на связи. Если что-то нужно — звони.

— Ты уже уходишь? — Её голос дрогнул.

— У меня дела. Он наклонился, поцеловал её в щёку — сухо, формально, — и вышел.

Дверь закрылась за ним с мягким стуком. Вера посмотрела на дверь, потом на Надю и попыталась улыбнуться.

— Вот. Сын. Всё для меня делает. Клинику нашёл, врача. Такой заботливый.

Надя ничего не ответила. Только спицы снова замелькали — быстрее, чем раньше.

Первый вечер в палате тянулся долго. За окном смеркалось, сосны темнели, превращаясь в чёрные силуэты. Медсестра принесла ужин и таблетки, измерила давление. Вера сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на фотографию Илоны на тумбочке.

— Красивая, — сказала Надя, кивая на рамку. — Дочка?

— Да. Илона. В Италии живёт. Замужем, трое детей. — В голосе Веры зазвенела гордость. — Вот, внуков мне подарила. А сын пока не женился. Всё в работе. Весь в меня — я тоже всегда работала.

Надя кивнула, но ничего не сказала.

— Он у меня такой с детства, — продолжала Вера, как будто оправдываясь перед невидимым собеседником. — Серьёзный, самостоятельный. Когда мы с первым мужем разошлись,

он сам решил с отцом остаться. Я не заставляла. Мальчики — они к отцам тянутся, это нормально.

— А сколько ему было? — участливо спросила Надя, откладывая вязание на колени.

Вера оживилась — наконец-то благодарный слушатель.

— Двенадцать. Или тринадцать? Да, тринадцать. Уже взрослый парень. Я ему говорю: «Тёма, давай со мной, у нас новая жизнь будет». А он ни в какую. Отца, видите ли, жалко. А чего его жалеть-то? — Она поджала губы.

— Вы не знаете моего первого мужа. Тринадцать лет я с ним прожила. Скучный был, предсказуемый. Сядет на диван — и всё, дальше дивана его интересы не шли. Ни удивить, ни зажечь. С детьми занимался, да, но что толку? Заработать нормально не мог, всё на мне было. И дом, и деньги. Я молодая была, красивая, мне жить хотелось, эмоций, страсти. А он — как валенок. Разлюбила я его, понимаете? Просто разлюбила. Он меня бесил всем — как ест, как молчит, как смотрит.

Она замолчала на секунду, перевела дыхание.

— А когда я встретила Алёшу — это другое дело. Вот там была страсть, огонь! Ради него я всё бросила. И знаете что? Ни минуты не жалею.

— Алёша — это второй муж? — уточнила Надя.

— Алёшенька мой, — выдохнула Вера, и на губах её появилась улыбка — нежная, совсем другая, чем когда она говорила о первом муже.

— Ох, какой мужчина... Яркий, шумный, весёлый — за ним вся компания шла. Зайдёт в комнату — и сразу свет. Он на гитаре играл, пел — такой голос, мурашки по коже. Мы познакомились на заводском вечере, он пригласил меня танцевать и всю ночь не отпускал. Я домой пришла под утро и поняла: всё. Пропала. Не могу больше в ту тишину возвращаться. Не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.